

ДОЛГИЙ XIX ВЕК В ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*

Рец. на книгу: Всемирная история: В 6-ти т. / Глав. ред. А.О. Чубарьян. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В.С. Мирзеханов (М., 2014)

Ключевые слова: *жизнь, смерть, бессмертие, суицид, мировоззрение, ментальность.*

Рецензируемый научный труд – часть шеститомного издания всемирной истории, созданного в рамках масштабного проекта Института всеобщей истории РАН, инициированного главным редактором академиком А.О. Чубарьяном. Рассказывая о замысле издания, Л.П. Репина выделяет принципиальные идеи проекта: «Издание должно иметь строго научный характер и давать обновленное представление о мировой истории. Это должна быть всемирная история без европоцентризма, с раскрытием культурно-исторических особенностей развития каждого региона и многовекового процесса расширения, углубления и переплетения связей между народами и культурами, с установкой на сочетание глобально-цивилизационного подхода с антропологическим, придающим истории “человеческое измерение”. Структура издания определяется последовательной комбинацией хронологического и проблемного принципа, с включением разделов компаративного характера. В основу структуры отдельных томов были положены ряды хронологических срезов, позволяющие дать панораму истории народов в их взаимодействии»¹. Реализация проекта потребовала длительного времени и творческих усилий большого числа российских ученых разных поколений и эпистемологических ориентаций. Среди авторов – специалисты многих академических институтов и университетов страны. В известном смысле это издание можно рассматривать как коллективный портрет современного профессионального сообщества историков России.

Современный мир, живущий «в полумраке уходящей национальной и возникающей космополитической эпохи» (Ульрих Бек), остро нуждается в обновлении языка и концептуального аппарата. В этих условиях социальные и гуманитарные науки заново осмысливают вечные эпистемологические вопросы. Каков оптимальный статус исторического знания в обществе? В чем заключается специфика исторического познания и его методов? Какой язык необходим для представления человекомерной исторической реальности? Как преодолеть неизбежную идеологическую и социокультурную зависимость познающего и пр. Глобальный подход, позволяя децентрировать взгляд, приглашает историка внима-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00418 «Исследовательские стратегии и практики историков России рубеже XX-XXI вв.».

¹ Репина 2015.

тельно отнести к пространственным ареалам и их населению, обещая дополнительные возможности в исследовании явлений и процессов разных масштабов. Однако этот выигрыш может состояться лишь в том случае, если будут по максимуму учтены новейшие исследования.

Читая пятый том «Всемирной истории», я прежде всего попыталась понять, в чем проявляется новизна этого труда. Как, каким образом, и в какой мере авторскому коллективу увесистого тома (939 с.!) удалось обновить наши представления о мировой истории XIX века.

История XIX века в глобальной перспективе невозможна без размышлений об относительности хронологий. И дело не только в множественности календарных порядков в мире, но и в том, что календарное время не совпадает с качественно разнородным историческим временем. В книге темпоральную матрицу для поиска системы координат в многослойной исторической материи задает концепт *долгий XIX век* (1789–1914). Условность хронологических границ очевидна. Ю. Остерхаммель, например, писал, что завершение долгого XIX в. «неожиданным падением занавеса в августе 1914 г.» удобно, но не вполне корректно, поскольку «лишь с завершением войны человечество заметило, что оно больше не живет в XIX в.». Начало долгого века событиями Французской революции тоже конвенционально, ибо ее воздействие на современников в их настоящем имело место лишь на Западе². Конструкционистская природа концепта *долгий XIX век* компенсируется в книге наличием множества более тонких периодизаций в рамках стран, регионов, континентов, включенных в описания отдельных событий, а также в страноведческих, региональных и тематических очерках.

Содержательные характеристики XIX столетия отличаются от других многозначной неопределенностью. Чаще всего этот период воспринимают как переходный, подготовивший современность, но простота понятия *современность* обманчива. Если понимать современность преимущественно как проект модернизации (успешной/неуспешной, завершенной/отложенной), как это сделано в книге, то привычная телеологичность мышления вкупе с идеей развития неизбежно рождает образы становления от простого к сложному. При этом оговорки о разрывах, упадках, отступлениях не помогают развеять убедительность этих образов. Хотя еще Ф. Бродель писал о том, что история движется как испанская процессия: каждый шаг вперед сопровождается двумя шагами назад. Возможны и другие подходы. Так, М. Фуко предложил воспринимать современность не как период с определенными характеристиками, но как установку (одновременно эпистемологическую и этическую) того, кто эту эпоху изучает. Такое восприятие предполагает вдумчивое использование понятия *репрезентация*, изучение не отвлеченного исторического процесса, а способов мыслить/чувствовать/действовать, свой-

---

² Osterhammel 2014.

ственных конкретным людям и сообществам. В последние 20 лет обсуждается теория «множественных модерностей»³, но вопрос о том, как ее использовать, работая с историческим материалом в глобальной перспективе, остается открытым. Ясно лишь то, что включение в исторический нарратив «человекомерной реальности» невозможно без широкого антропологического понимания культуры и рефлексивной позиции ученого. В то же время понятие «культурной современности», родившееся в 1860-е гг. в процессе осмысления эстетического разрыва, получило развитие в конкретных исследованиях, предложивших использовать этот термин во множественном числе⁴. Эти работы связаны с понятием «режима историчности», нового восприятия будущего и лучше всего представлены на материале XIX века в работах по культурной истории.

Наряду с идеей длительности важную роль в реализации концепции тома играет идея асинхронности преобразований в разных частях света. При этом убедительно показано, что выбор инструментов модернизации зависел не только от соотношения экономических укладов, но и от состояния государственных институтов и элит в разных странах.

Разделения мира на Запад и Восток в книге нет. Эта дихотомия проблематизирована уже во Введении, а ее относительность закреплена структурой тома и организацией материала в обобщающих главах. В пространственных терминах долгий XIX век представлен сквозь призму мир-системы, т.е. центра и периферии, в которой наряду с государствами-нациями важную роль играли империи, как континентальные, так и колониальные. Теоретическое введение (В.С. Мирзеханов), насыщенное мыслью и обобщающими характеристиками, обещает акцент на динамичности и разнонаправленности процессов, а также глобальный взгляд на явления, события и действующих лиц с учетом таких новейших подходов к изучению мировой истории, как история цивилизаций, трансферов, а также история транснациональная, связанная и перекрестная (*transnational history, histoire croisée, entangled history*) (с. 14).

Структура тома выстроена в соответствии с глобальной и локальной перспективами. В первой части «Становление индустриального общества: тенденции глобализации» в восьми проблемных главах описаны важнейшие явления формирующегося индустриального мира: промышленная революция (А.В. Ревякин), экономический рост, демографические сдвиги, массовые миграции (В.С. Мирзеханов, В.А. Мельянцева, С.Б. Вольфсон), социальные процессы (А.А. Эсеров), языки высокой культуры (И.В. Кондаков, В.С. Парсамов), образование и наука (А.Н. Дмитриев, Н.В. Ростиславлева, М.В. Лоскутова), медицина (А.М. Сточник, С.Н. Затравкин), религия и церковь (С.Г. Антоненко), политика и общество (И.П. Танышина, М.П. Айзенштат).

---

³ Modernity... 2000.

⁴ Charle 2011.

Связь между локальным и глобальным обеспечивается также содержательным аналитическим разделом «Империи и нации в долгом XIX веке» (А.И. Миллер), выполняющим роль введения в самую большую – вторую часть тома «Мир-система XIX века: империи и нации», а также ее оригинальной структурой. В первом разделе «Европа и мир: тернистый путь к глобальной системе государств», состоящем из десяти глав, материал организован в страноведческом и региональном ключе: «Рах Britannica: Великобритания» (М.П. Айзенштат), «Рах Britannica: Доминионы» (А.А. Эсеров, А.Н. Учаев), «Рах Britannica: Индия» (Л.Б. Алаев), «Франция: от наполеоновского деспотизма к парламентской демократии» (А.В. Ревякин), «Закат испанской империи» (И.Ю. Медников), «Португалия: угасание великой империи» (А.П. Черных), «Нидерланды: маленькая европейская страна–большая колониальная держава» (Г.А. Шатохина-Мордвинцева), «Бельгия: королевство и империя» (А.С. Намазова), «Юго-Восточная Азия» (В.А. Тюрин), «Африка южнее Сахары» (А.С. Балезин). Во втором разделе «Переходный век монархий Запада и Востока: от старого порядка к модерну» представлен «Русский XIX век» (В.С. Парсамов), «Габсбургкая монархия в XIX веке» (Е.В. Котова), «Османская империя в XIX веке» (С.Ф. Орешкова, М.С. Мейер), «Арабский мир» (Б.В. Долгов, Е.А. Прусская), «Иран под властью династии Каджаров» (А.И. Полищук), «Китай и мир: противоречивые процессы модернизации» (О.Е. Непомнин.). В разделе III «Национальная идея, становление и развитие национальных государств» пять глав: «Япония на пути в «клуб великих держав» (С.Б. Маркарьянц, Э.В. Молодякова), Германия: воплощение национальной мечты» (А.Г. Матвеева), «Италия в XIX веке» (З.П. Яхимович, А.А. Митрофанов), «Северная Европа на пути к благоденствию» (В.В. Rogинский), «Становление национальных государств в Юго-Восточной Европе» (О.Е. Петрунина). В разделе IV «Новые судьбы нового света» три главы: «Западное полушарие: преемственность и перемены» (А.А. Исэров), «США: на пути к могуществу» (Б.М. Шпотов), «Латинская Америка: век независимости» (М.С. Альперович).

В традиционных национальных нарративах XIX век описывался как век наций и национализма. Имперские проекты этого периода не связывались со строительством наций. В книге убедительно показана необходимость переосмысления глубинной взаимосвязи национального и имперского. Строительство наций было вплетено в ткань имперских практик как в ядре империй, так и на периферии. Такой подход открывает новые возможности для понимания природы национализма, интеграционных имперских проектов конца века, а также своеобразия первой модерности в целом. Имперские проекты в неевропейских мирах и национальные преобразования в Европе в структуре тома поставлены рядом. Это интересно, но недостаточно для того, чтобы показать, как именно они переплетались, взаимно видоизменяя друг друга. Для реализации этой задачи нужны дополнительные ракурсы и исследовательские

приемы, наработанные в современных исследованиях по глобальной истории нового типа⁵ и пока не вошедшие в конкретные разделы тома.

Третья часть тома «Межгосударственные и международные отношения в XIX – начале XX века», включающая в себя три главы: «Наполеоновские войны и Венская система международных отношений» (В.В. Рогинский), «Международный порядок, войны и дипломатические отношения середины XIX века» (В.В. Рогинский, В.Н. Виноградов), «Мировая политика последней трети XIX – начале XX века» (А.В. Ревякин) остается европоцентристской. Интернациональная история излагается здесь в дисциплинарной логике международных отношений с характерными для нее ключевыми темами: дипломатия, войны, геополитика. Как и во многих традиционных исследованиях истории международных отношений, мир здесь предстает как арена столкновения интересов, конфликтов, компромиссов и альянсов между национальными акторами. Между тем интеллектуальные трансформации последних десятилетий, такие культурный и пространственный повороты и связанное с ними обновление социальной истории, привнесли немало нового в это исследовательское поле. Историки обратились к поиску комбинаторных приемов микро- и макроанализа на глобальном и локальном уровнях. В связанной и перекрестной истории интернациональные отношения рассматриваются не только как продукты государственного действия, но и как важные факторы в формировании наций, тесно связанные с трансферами идей, концептов, технологий, материалов, цивилизационных ценностей и пр., а колониальные аспекты международных отношений органично вплетаются в ткань европейской истории. Все, что написано по этой проблематике во введении, задает новый ракурс для осмысления: «становление империй привело к укреплению национального за счет колониального и к их активному сближению»; «переплетение универсализма и национализма, национальных государств и империй...»; «имперская идея и колониальная культура стала частью массовой культуры метрополий» (с. 16–18). Но о массовой культуре метрополий в книге написано очень мало. Кроме того, возникает вопрос: как все это воспринималось в колониях на уровне элит и на уровне масс? Что об этом сообщают постколониальные исследования?

Долгий XIX век представлен как воплощение национальной государственности, имперской системности, буржуазного общества, индустриализации, интеллектуальной и технической рационализации, могучей элитарной культуры, инновационного и прогрессистского мышления. XVIII век «врастает в девятнадцатый» и во многом определяет стиль мышления элит и проблемное поле культуры, в которой ключевыми идеями остаются цивилизация, просвещение и прогресс. В то же время новое условное столетие имеет свою специфику, и одно из ее проявлений в Европе – смена цивилизационного ритма: в процессе индустри-

---

⁵ См., напр.: Boucheron, Delalande 2013.

ализации/промышленной революции неспешная поступь «конной» цивилизации сменяется динамичной «автомобильной» (Д. Рош.)

Заключение «Мир в XIX веке: исторические итоги и обращенность в будущее» написано ответственным редактором тома В.С. Мирзехановым. Эпохальный характер перемен избранного для изучения периода, представленный на большом конкретном материале, позволяет говорить о «рождении современного мира». Среди наиболее важных свидетельств этого выделяются демографические процессы, технологическая революция, урбанизация, усиление глобальной однородности и стандартизации жизни, территориализация власти, рационализация веры, новые измерения в политике, абсолютное лидерство Европы в межгосударственных отношениях и мировом порядке в целом. Однако сохраняющаяся многовариантность и сложность мира, неоднозначность цивилизационных трансформаций в разных его частях, фундаментальная неустойчивость и неопределенность, осложненная темпоральным ускорением, к концу века привели к Великой войне, которая «сместила систему координат жизни на планете и обозначила новую точку начала XX века» (с. 860).

Многие из этих выводов остаются открытыми, являясь предметом оживленной дискуссии в мировой науке⁶. Проблематизируется сама возможность выделения XIX века в качестве самостоятельного периода уже потому, что это было сделано в контексте европоцентристской модели мира, и отказаться от нее, как показывает и данный труд, совсем не просто. Отрицается фундаментальная роль этого периода в трансформации всего мира: многие факторы и процессы, о которых идет речь в книге, все-таки затрагивают прежде всего Европу. Например, очерк о культуре посвящен исключительно высокой культуре Европы, при этом говорится, что она повлияла на весь мир (с. 19), хотя в современной науке, в т.ч. в контексте новой глобальной истории, накоплено немало материалов о том, что влияние было взаимным. Имеются специальные исследования, которые показывают, что влияние неевропейских народов на процессы промышленной революции, а также на другие континенты и регионы мира тоже было существенным. Например, старая модель распространения технологий из Европы на периферию в последние годы уступает место более сложным подходам, в которых учитывается и исследуется многогранность взаимных обменов и трансферов, имевших место на практике⁷. Устойчивое представление о европоцентристском характере межгосударственных отношений в XIX столетии во многом связано с тем, что в истории международных отношений эпохальным трансформациям этого века до недавнего времени не уделялось должного внимания⁸.

---

⁶ См. напр.: Sterns 2012.

⁷ См. напр.: Edgerton 2013. P. 79.

⁸ См., напр.: Barry, Lawson 2013.

В томе собран и профессионально обработан огромный эмпирический материал. Большая часть авторских текстов хорошо написана, их интересно читать. Однако многие сравнительно новые сюжеты и темы всемирной истории представлены явно недостаточно. Изучение памяти, образов, дискурсивных структур, анализ мифов, сложившихся вокруг исторической памяти, исторические представления ушедшей эпохи, ценностные конфликты в социумах – все это не вошло в книгу. Акцент сделан на традиционной политической, экономической и – в меньшей мере – социальной истории. Последней уделено немного внимания потому, что социологический поворот, судя по текстам как обобщающего характера (см.: «Социальные процессы»), так и страноведческим, не повлиял на узких специалистов по истории отдельных европейских и неевропейских стран. Социальные сдвиги осмысливаются с помощью давно утративших актуальность терминов и понятий, а социальные процессы привычно связываются в детерминистском ключе лишь с экономикой и политикой. Культурная, а значит и антропологическая составляющая этих процессов никак не представлена в томе.

В некоторых главах явно не хватает современного историографического материала. Например, колонизация, как главное воплощение коммуникативных практик европейских и неевропейских народов осмыслена преимущественно в русле традиционной колониальной истории, хотя во введении убедительно обоснована необходимость обращения к постколониальной историографической традиции, существующей уже полвека (с. 18–19). Культурные практики, в том числе коммуникативные, хорошо проявляются в традиционной и обновленной истории трансферов, в исследовательском поле которой находятся идеи и концепты, научные открытия и технологии, информация, управленческие и образовательные навыки и пр. Такая история (так же, как перекрестная и связанная), слабо присутствует в томе и в принципе в настоящее время не может быть представлена в материале, поскольку осмысление этих подходов в отечественной традиции только начинается.

Большая часть страноведческих и региональных текстов подчинена жестким информативным и обезличенным требованиям традиционного учебно-энциклопедического жанра. Возможно, это осознанная установка редактора тома, позволившая совместить разные методологические предпочтения авторов. Но у такой установки есть недостатки, проявляющиеся, в частности, в явном дисбалансе в соотношении новых подходов, заявленных во введении/ряде обзорных глав, и содержания значительной части тома. Новая для отечественной традиции организация материалов все же не позволяет нивелировать это несоответствие.

При этом книга воспринимается как свежая и оригинальная. Подготовленный читатель сможет немало узнать не только об истории разных народов, населявших нашу планету в этот период, но и поразмышлять о состоянии отечественной новистики. Менее подготовленный, но интере-

сующийся историческим процессом читатель с удовольствием прочтет многие страницы книги, в т.ч. написанные в соответствии с давно устоявшимися правилами исторической профессии и показывающие, «как было на самом деле». Не исключено, что у этого труда найдется и немало критиков, которые, читая книгу, могут задать «простые» вопросы: Что такое капитализм? Чем мелкая буржуазия отличается от крупной? Почему так мало написано о материальной культуре? Действительно ли культуру и технологии следует противопоставлять? Как изменилось сегодня понимание государства и социума? Почему в основной части тома ничего не написано о ментальности и воображении? Такое вопрошание, без сомнения, станет стимулом для очередного «переписывания» истории, которое собственно и позволяет историческому познанию сохранять свое социальное значение в качестве открытого, принципиально незавершенного осмысления человеческого опыта.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Всемирная история: В 6-ти т. / Глав. ред. А.О. Чубарьян. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В.С. Мирзеханов. М.: Наука, 2014. 940 с.
- Репина Л.П. Цивилизационная парадигма в старых и новых моделях мировой истории // История и теория цивилизаций: в поисках методологических перспектив / Ред. кол.: Ф.Е. Ажимов (отв. ред.) и др. Владивосток: ДВФУ, 2015.
- Vsemirnaya istoriya: V 6-ti t. / Glav. red. A.O. Chubar'yan. T. 5. Mir v XIX veke: na puti k industrial'noi tsivilizatsii / otv. red. V.S. Mirzekhanov. M.: Nauka, 2014. 940 s.
- Repina L.P. Tsivilizatsionnaya paradigma v starykh i novykh modelyakh mirovoi istorii // Istoriya i teoriya tsivilizatsii: v poiskakh metodologicheskikh perspektiv / Red. kol.: F.E. Azhimov (otv. red.) et al. Vladivostok: DVFU, 2015.
- Boucheron P., Delalande N. Pour une histoire-monde. P.: PUF, 2013.
- Buzan B., Lawson G. The Global Transformation: The Nineteenth Century and the Making of Modern International Relations // International Studies Quarterly. 2013. P. 620-634.
- Charle Ch. Discordance des temps. Une brève histoire de la modernité. Le temps des idées, Paris, Armand Colin, 2011, 494 p.
- Edgerton D. Quoi de neuf? Du role des techniques dans l'histoire globale. P.: Le Seuil. 2013.
- Modernity. One, none, ou many? European origins and modernity as a global condition // Daedalus. 2000. P. 130-160.
- Osterhammel J. Transformation of the World: a Global History of the Nineteenth Century / Princeton (N.J.), 2014.
- Sterns P.N. Rethinking the Long 19th Century in World History: Assessments and Alternatives [2010] // World History Connected. 2012. Vol. 9. Issue 3. URL: http://worldhistoryconnected.press.illinois.edu/9.3/forum_stearns.html.

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Лаборатория исторической эпистемологии и публичной истории Института всеобщей истории РАН; zinaidachekantseva@gmail.com

The long 19th century in global perspective

Review: World History: 6 vols. / Ed. by A.O. Chubarian. Vol. 6 the world in the 19th c.: the ways to industrial civilization / ed. by V.S. Mirzekhanov. Moscow, 2014.

Keywords: life, death, immortality, suicide, philosophy, mentality

Zinaida Chekantseva, Dr.Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Science; achekantzev@mail.ru